

Духовный органъ за свободу и независимость.

Еженедѣльные сообщенія изъ Единовѣрческой жизни.

Цѣна: годовая 5 руб., полугодовая 3 руб., за 1 мѣсяць 50 коп., съ доставкой и пересылкой; за отдѣльный № 10 к.

Цѣна за помѣщеніе объявленій: 20 коп. за мѣсто, занимаемое строкою; повтореніе—по соглашенію; рассылка готовыхъ объявленій 8 руб. съ тысячи за лоть.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи С.П.В. Николаевская 22, 2; открыта въ будни отъ 10 до 4 час. веч.

Доставленные въ редакцію рукописи подлежатъ, въ случаѣ надобности, измѣненіямъ и сокращеніямъ.

Статьи, признанныя неудобными, хранятся въ Редакціи 6 мѣсяцевъ, а затѣмъ могутъ быть поднергнуты уничтоженію; меньшія же изъ нихъ уничтожаются немедленно.

Писменные объясненія по поводу корреспонденцій и статей, неудобныхъ къ печати, для Редакціи не обязательны.

Рукописи, доставляемыя безъ обозначенія условий, поступаютъ въ полное распоряженіе Редакціи.

Для личныхъ объясненій редакторъ принимаетъ по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 4 до 5 вечера въ конторѣ Редакціи.

ПРАВДА

ПРАВОСЛАВІЯ.

Содержаніе. Отъ редакціи. Редакція. Два слова. Правда. Священникъ. И молятся. Василій Мед. Не пора ли? Б. Коршуновъ. Запечатаніе алтаря въ Единовѣрческой церкви свящ. І. Черединовъ. Митрополитъ Антоній и его отношеніе къ автономіи Единовѣрія. В. Соловьевъ. Безнадежный. Вас. Чехъ. Единовѣріе въ Москвѣ. Е. Г.—з. Лѣтопись Единовѣрческой жизни. Объявленіе.

Отъ Редакціи.

Редакція,—получивъ нѣсколько писемъ, въ которыхъ высказываются наши читатели о желаніи обмѣниваться мыслями на все явленія жизни какъ духовной, такъ и общественной, и общечеловѣческой,—находитъ необходимымъ открыть съ двѣнадцатаго номера журнала отдѣлъ „ОБМѢНЪ МЫСЛЕЙ“. Каждому корректному письму, если оно будетъ представлять не единичный интересъ или значеніе, а затронетъ окружающую насъ дѣйствительность хотя бы съ самой незначительной ея стороны, мы дадимъ возможность быть напечатаннымъ. Но заранѣе складываемъ съ себя отвѣтственность за мысли и взгляды читателей, которые пожелаютъ изложить ихъ и прислать въ письмахъ. Мы не допустимъ противнаго морали и достоинству личности, но всегда съ охотою и искренностью будемъ освѣщать въ нашихъ статьяхъ могущіе быть затронутыми вопросы. Сообщая объ открытіи съ двѣнадцатаго номера особаго отдѣла «обмѣнъ мыслей», мы обращаемся ко всемъ читателямъ нашего журнала съ просьбою: писать свои письма какъ можно разборчивѣе и, кромѣ того, въ одномъ и томъ же письмѣ не затрагивать двухъ или болѣе интересующихъ читателя вопросовъ.

Письма, какъ принятыя, такъ и не принятыя въ „Обмѣнъ“—немедленно будутъ уничтожаться.

РЕДАКЦІЯ.

Два слова.

...Годъ, два, сто...

Тысячи начинаній, бездна надеждъ, сколько обѣщаній!

Единовѣріе остается по прежнему безъ главы, безъ своего епископа. У православныхъ есть епископы, митрополиты. У старообрядцевъ, не пожелавшихъ соединиться съ православіемъ, есть тоже епископы и митрополиты.

Единовѣрцы епископа не имѣютъ.

Не имѣютъ своихъ епископовъ и Русины, живущіе въ Австріи, и нѣкоторые полу-каатолики, полу-православные, живущіе и въ Россіи. Папы выдумали унію, чтобы потомъ, при случаѣ, соединить бывшихъ православныхъ подъ свою власть, но... и до нынѣ уніаты остаются уніатами и нѣтъ-нѣтъ высказываютъ мысли или о присоединеніи себя къ православію, такъ какъ они и были и есть православными, или имѣтъ своего епископа.

Православная церковь приняла подъ свое „материнское“ попеченіе старообрядцевъ, наименовавъ ихъ „единовѣрцами“, послала ихъ подъ власть своихъ епископовъ и дала имъ, въ руководители пастырей изъ истыхъ сыновъ своего преданнаго и вѣрнаго сословія.

И происходитъ въ сердцѣ единовѣрца тяжелая драма.

Нельзя думать о соединеніи единовѣрцевъ, такъ какъ они не имѣютъ ни достаточныхъ средствъ, ни авторитета истиннаго въ лицѣ

своего епископа, ни своих какихъ бы то ни было съѣздовъ, гдѣ всегда могли бы подниматься тѣ жгучіе вопросы о вѣрѣ, укладѣ, обычаяхъ и такъ далѣе—которые волнуютъ и мучаютъ каждого единовѣрца въ отдѣльности.

А почему такъ? Неужели и единовѣріе есть подобіе уній? Или мѣры урѣзокъ, уклоненій, отказовъ—должны, по мнѣнію высшей духовной власти, служить той замазкой, которая въ будущемъ склеитъ единовѣріе съ правящимъ православіемъ?

Такъ вѣдь это близорукость. Подобная система спаять два разнородныхъ элемента какими то негодными средствами—наивна. Развѣ надѣвъ на голову Ивана шапку Демьяна—мы назовемъ его по шапкѣ, а не по имени? Иванъ всю жизнь знаетъ себя за Ивана, а мы вздумаемъ его называть иначе.

Подобное нѣчто въ шапкѣ православія. Она надѣта на голову единовѣрія, а надѣвшіе ее думаютъ, что этого довольно для переименованія.

А для перерожденія—какую бы выдумать мѣру православной іерархіи?

Впрочемъ, слугъ довольно.

И какъ бы они ни старались, а мечтаютъ отнять у кого бы то ни было вѣру отцовъ—дерзость непомѣрная, тѣмъ болѣе, что сыны своихъ отцевъ преданы своей древней вѣрѣ по любви и сердцу.

Сила обстоятельствъ непреоборима. Хорошая половина старообрядцевъ приняла Австрійскую іерархію благодаря тому, что хотѣли ихъ души и живыя сердца „взять“ руками.

Развѣ можно невѣсомое взвѣсить, неизмѣримое измѣрить? У православной іерархіи другія истины. Нѣмцевъ нужно было сдѣлать русскими, а для этого стали насаждать православіе. Католиковъ обрусить—послали отмѣнныхъ миссіонеровъ на порядочное жалованье, но кромѣ самой кровавой вражды и ненависти до нынѣ—ничего не вышло. Нѣмцы такъ и остались нѣмцами, да только скорѣе взяли въ руки „православныхъ“, а сами не дались имъ. Католики блѣднѣютъ, когда слышатъ имя „миссіонеръ“ и крестятся какъ отъ духа зла.

Ну, а единовѣріе? Единовѣріе развѣ тоже не русской народъ? Развѣ и между ними необходимо насаждать православіе, то есть—государственность?

Не ошибаются ли насадители?

Не проглядѣли бѣ они изъ за своихъ многихъ истинъ одну истину, настоящую и живую какъ сама жизнь?

Впрочемъ, можетъ они авторитетъ свой считаютъ столь живымъ и непоколебимымъ, что впередъ и не смотрятъ?

Дѣло ихъ. Наше дѣло—имѣть свой собственный авторитетъ, *притомъ глубоко уважаемый, въ лицѣ нашего епископа.*

Правда о правдѣ.

Я уже болѣе не въ силахъ терпѣть. Я истерзанъ, я боленъ отъ постоянныхъ обвиненій духовенства и священства. Я вѣрую во Христа, я, по мѣрѣ силъ моихъ, желаю честно носить свой санъ.

Мірянинъ, я дѣлаю тебѣ вызовъ! Я покажу тебѣ всю сумму накопившихся во мнѣ страданій, всю боль моего сердца отъ твоей жестокости и несправедливости.

Я хочу жить по христіански, хочу трудиться, кричу, зову, — а эти вѣчные укоры духовенству, всюду печатаемые, во всякой гостининой произносимые, часто вопреки простой деликатности, истерзали мою душу.

Во всѣхъ этихъ осужденіяхъ я вижу одно сплошное лицемеріе и ничтожество.

Ты негодуешь, ты возмущенъ, ты обиженъ. Твои нервы затрепетали. Я только и желаю этого. Я умышленно наночу тебѣ рану, я хочу свести тебя съ ходулей, — хочу почувствовать въ тебѣ человѣка, увидѣть, что и у тебя есть болѣющее сердце, потому что доселѣ, прости, ты мнѣ представлялся безчувственнымъ деревомъ. Ты не понималъ, какія наносилъ мнѣ раны въ мое сердце и мою вѣру.

Твой назойливый голосъ проникаетъ всюду—въ мой храмъ, въ мой домъ. Ты измучилъ меня!

Твоей любви къ церкви и къ духовенству я не вѣрю больше.

Я глубоко къ сердцу принималъ твои обвиненія, присоединялъ ихъ къ голосу моей совѣсти, умиралъ отъ правды тѣхъ и другихъ, но теперь убѣдился, что ты меня обманывалъ.

О, если бы ты говорилъ отъ глубины скорби! Мы давно поняли-бы другъ друга, мы давно подали бы руки другъ другу и дружно устремились на созиданіе развороченной храмины—Церкви.

Но всегда, когда я предлагалъ тебѣ, по моему слабому разумѣнію, общими силами переходить къ практикѣ, къ дѣлу созиданія, къ дѣлу дѣйствительнаго церковнаго обновленія, скажу жестко—ты убѣгалъ и скрывался.

Ты хочешь пользоваться услугами церкви, ея идеалами и чистой правдою и добромъ, хочешь

видѣть ясный ликъ Христа, ощущать Его ласку, а самъ ничего не дѣлать, лѣняясь сдѣлать одинъ шагъ, а не то, чтобы Христу отдать всю свою жизнь. Насъ же, Самого даже Христа, ты желаешь имѣть устроителями твоей жизни, какой она тебѣ нравится лучшей?

Я хочу, чтобы ты въ крикахъ боли сердечной сказалъ, наконецъ, жестокою правду. Если я не пойму твоихъ словъ, то пойму твою боль. Ты винишь насъ, что мы не уберегли Россію отъ кровавыхъ ужасовъ послѣдняго года, отъ междоусобной войны, отъ всеобщаго озвѣрѣнія и такъ далѣе, и такъ далѣе, что мы не въ силахъ были остановить потоки крови?

Я склоняю голову, потому что это горькая правда. На помѣстную Церковь и русское духовенство легло тяжкое нравственное пятно, которое отмоешь не скоро.

А спрошу я тебя, ты членъ церкви, на тебѣ нѣтъ христіанскихъ обязанностей, ты чистъ въ этомъ позорѣ церкви? онъ не затронулъ въ твоей совѣсти хотя бы краемъ?

А знаешь ли, что Церковь не могла проявить себя иначе, потому что она поражена старымъ недугомъ, ея современное безсиліе есть только неизбежное обостреніе?

Или ты не зналъ, что Церковь больна издавна? Нѣтъ, ты зналъ давно это, зналъ, что Церковь наша больна и наше духовенство плохо? — Но что ты сдѣлалъ, чтобы помочь Церкви и оздоровить свое духовенство? Ты самъ пошелъ ли во священники? или высота твоей церковной любви и сознанія проявились только въ томъ, что ты для себя искалъ болѣе спокойныхъ мѣстъ, хорошаго обезпеченія или иного положенія, а попить, побираться въ мірѣ и брать на себя тяжкую нравственную отвѣтственность за пасомыхъ ты предоставилъ только желающимъ изъ среды кутейниковъ, которые, по старому обычаю, шли въ духовенство не ради Иисуса, а ради хлѣба куса *).

Духовенство плохо издавна и сегодня едва ли хуже, чѣмъ ранѣе. Но какой Божій законъ обязывалъ тебя примиряться и терпѣть такое духовенство до сегодня?

Почему такой сильный протестъ у тебя противъ него вдругъ только въ послѣднее время?

Сегодня льется кровь, а раньше она развѣ не лилась? Теперь гибнуть тѣла, а души не гибли ли непрестанно?

Духовенство тебѣ не показывало высокихъ примѣровъ самоотверженія и страданія за правду, да. Оно рабскигнуло свою голову подъ гнетъ всякой власти.

Но развѣ нѣтъ цѣлой евангелической церкви, которая живетъ по христіански и отвергнувъ преемственное священство или, вѣрнѣе, основываясь только на томъ, что всѣ христіане священники?

И Лютеру угрожали, но онъ не убоился.

А старообрядчество, хотя и съ бѣдой пополамъ, развѣ не прожилось безъ священства цѣлыхъ два вѣка?

Сознайся же, скажи правду, что въ тебѣ не достало той вѣры, которая была у Лютера и протопопа Аввакума. ты смерти за вѣру предпочелъ именоваться православнымъ по паспорту.

Вспомни, не сказано ли въ евангеліи *лицемѣръ!* сначала вынь бревно изъ твоего глаза, потомъ узнаешь, какъ вынуть сучекъ изъ глаза брата твоего.

Мы, священники, лицемѣримъ, одно говоримъ, другое дѣлаемъ, но зачѣмъ ты подражаешь такимъ примѣрамъ? Почему являешь себя какъ ученикъ лицемѣра? Почему обвиняешь, самъ не будучи безвиннымъ? Требуешь отъ другихъ, чего не дѣлаешь самъ?

Почему въ тебѣ нѣтъ и доли великодушія? А что, если среди тобою обвиняемыхъ пастырей еще есть такіе, которые не преклоняли своихъ головъ передъ Вааломъ? Каково имъ слышать твои огульные обвиненія? Не причиняешь ли ты имъ жестокихъ ранъ. Или ты думаешь, тамъ люди, не знавшіе, какова среда, въ которую они имѣли несчастье попасть, думая, что поступаютъ въ священство Христово? Или среди насъ уже невозможна душа живая? А допускаешь, что есть такіе, которые шли во священники потому, что хотѣли нелицемѣрно запречь себя въ церковный плугъ?

Мнѣ стыдно за тебя! Въ тебѣ говоритъ старый рабъ, рабъ въ политикѣ, рабъ въ борьбѣ, рабъ и въ протестѣ противъ священства.

А вся бѣда наша вотъ въ чемъ: за священствомъ и міряниномъ мы проглядѣли *христіанства*; что вмѣсто созиданія общаго великаго христіанскаго братства—занимаемся взаимными обвиненіями.

Я достигну цѣли, если на мою вырвавшуюся изъ сердца рѣчь откликнется хотя бы одинъ *христіанинъ*, хотя бы одинъ человѣкъ, готовый не обвинять, а работать, который *настолько уважаетъ себя, что не унижится до обвиненій или одной или другой стороны.*

Священникъ.

И молятся...

— ... Карянка.

На Волгѣ, на высокомъ берегу, раскинулось небольшое село домовъ въ четыреста. Далекое сѣ рѣки видѣнъ старинный храмъ съ голубыми куполами и высокою колокольнею. Утреннее солнце играетъ лучами своими на верхушкахъ золотыхъ крестовъ, и звѣзды чудно горятъ и, кажется, рассыпаются по всему селу. Сады и сады. Широкая улица дѣлитъ село на двѣ части. По обѣимъ сторонамъ ея насажены

*) Слова Св. Димитрія Ростовскаго.

деревья—и красивая аллея старыхъ липъ и березъ придаетъ селу живой, веселый видъ. Не замѣтно нигдѣ развалившихся сараевъ, опрокинутыхъ заборовъ, покосившихся воротъ, дырявыхъ крышъ...

Видно, трудолюбіе и миръ свили себѣ здѣсь, на высококомъ берегу, уютное гнѣздышко.

Рѣка плавно несетъ свои мягкія воды, переливается, серебрится, тихо шепчетъ о своей вѣковой жизни, ласкаетъ зеленые берега... Рѣдко поднимаются съ силою и протестомъ волны, еще рѣже бушуетъ буря...

И село тихо и мирно живетъ своею старою жизнею, своимъ заповѣданнымъ отъ предковъ укладомъ, обычаемъ, своею глубоко любимою вѣрою—старою вѣрою, которая искони жила въ сердцахъ жителей села.

... Жизнь такъ скоротечна и такъ мочуа.

Священникъ старого села вчера распрощался со своими дѣтьми... Село надѣло трауръ... Не встрѣтить ни одной избы, гдѣ бы смерть отца Іоанна не отозвалась глубокою скорбью, не оставила неизлѣчимой раны...

Тридцать два года въ одномъ храмѣ! Тридцать два года, день въ день, ночь въ ночь, онъ былъ со своими дѣтьми, неотступно стоялъ у порога храма съ открытымъ сердцемъ и ласкою и строгостью вмѣстѣ на добромъ, кроткомъ лицѣ.

И не стоитъ больше!

Нѣтъ отца и наставника.

Къ кому обратиться съ мелкимъ горемъ, маленькою нуждою или ничтожною заботою? Кто войдетъ сразу въ самую душу и не погнушается говорить или наставлять всѣхъ, отъ мала до велика?

Вѣдь у маленькихъ людей и у большихъ людей такъ много ничтожныхъ заботъ! Жизнь такъ много ставить вопросовъ.

И складывается эта жизнь, не рѣдко, почти изъ однихъ ничтожныхъ и пустыхъ дѣлъ.

Мелочи, мелочи... Конца нѣтъ имъ, и эти то мелочи выслушивалъ отецъ Іоаннъ съ такимъ вниманіемъ, а потомъ тщательно разбиралъ ихъ и училъ какъ жить...

Недѣли черезъ подторы собрался приходъ для обсужденія важнѣйшаго дѣла—гдѣ взять священника.

Долго обсуждали жители и рѣшили итти къ благочинному и представить ему своего выборнаго. А выборъ палъ на псаломщика сосѣдней единовѣрческой церкви при селѣ Песчаномъ, Максима Васильевича Перепелкина, человѣка лѣтъ сорока пяти, извѣстнаго своею строгою жизнею и любовью къ храму и святой, древней вѣрѣ.

Пришло семь человѣкъ къ благочинному.

— Я ничего не смогу сдѣлать для васъ, люди. Могу только написать бумагу Архіерею о вашей просьбѣ, хотя...

Онъ замаялся:

— Знаете, продолжалъ онъ, что было-бы удобнѣе просить за духовное лицо, а за мірянина...

— Да мірянинъ нашъ, Максимъ Васильевичъ, другому духовному не уступитъ.

— Кто споритъ, кто, а все же...

— И гдѣ-же намъ взять духовное лицо, если, по нашему, всѣхъ, кого мы знаемъ, нельзя просить.

— А почему, спросилъ благочинный?

— Служба у насъ по—строже, батюшка. Кто же изъ православныхъ...

— Ну, найдется. Вотъ меня просилъ діаконъ изъ села Углова попросить васъ о немъ. Человѣкъ красивый, еще молодой, голосъ—такой басъ, что хотя бы въ Москву...

— А службу нашу не знаетъ.

— Э, полно вамъ! Службу долго-ли узнать? Неужели не узнаетъ? Себѣ же польза. Впрочемъ, воля ваша...

Ходоки нѣсколько смутились. Нашелся одинъ, который видѣлъ этого діакона. Посудили, посоветовались и рѣшили посмотреть на баса.

Пошли.

Правда, благочинный не увеличилъ—басъ у діакона былъ огромный. У Максима Васильевича, человѣка маленькаго, голосокъ былъ слабенькій, тоненькій.

Поговорили съ діаконкомъ. Тотъ закланялся, по-добрялъ сразу, началъ прельщать ихъ и своею покладливостью, и высокимъ ростомъ, а главное—басъ.

— Ладно, други, видно Господь...

И вскорѣ въ селѣ, на высококомъ берегу Волги, подъ голубыми куполами и золотыми крестами стариннаго единовѣрческаго храма, сталъ служить новый батюшка отецъ Евстигнѣй. Высокій блондинъ съ чуть-чуть легкой просѣдою, представительный, скромный—отецъ Евстигнѣй производилъ пріятное впечатлѣніе.

Но время—что Волга—плыветъ не замѣтно и тихо.

Новый батюшка позвалъ однажды къ себѣ псаломщика и велѣлъ кое что выбросить изъ чтенія за утренней и вечерней.

— Ты, Петръ, напрасно тянешь. Народъ нашъ простъ, не пойметъ тебя, а ты тнешь—и надобсть можешь.

Петръ сократилъ на половину.

И пошло своимъ чередомъ дальше—батюшка велѣлъ убрать подручники, которые стлали передъ собою прихожане въ церкви.—Сказалъ: „пыль разводите, братья. И такъ поклонъ Богу сдѣлать можно“.

„И дѣло“, думалъ батюшка.— А еще черезъ немного времени—приказалъ убрать лѣстовки.

— Что вы, монахами хотите быть? Или такъ не запомнишь, которую молитву Господню сказалъ? А если и лишнюю не скажешь, то усердія наберись побольше—Богъ сердце видитъ.

Село зашепталось. Громче, громче. Пошли къ благочинному вновь.

— Отецъ благочинный, смилуйся, жителя нѣтъ, вѣру изгоняетъ...

— Что вы, что вы?

— Помилуй, и рассказали, как отецъ Евстигвій поставилъ все на свой ладъ. Многое такое услышалъ благочинный, что и смутился даже...

— Голубчики, да что онъ. Не ожидалъ я отъ него такихъ дѣлишекъ... Но ничего не могу сдѣлать... Напишу бумагу...

Пока благочинный писалъ или не писалъ бумагу, а приходъ послалъ своихъ людей къ архіерею.

— Вы сами просили, сами и имѣйте.

— Ваше Преосвященство, переведите его на другой приходъ.

— Онъ мнѣ не подходитъ.

— А намъ?

— Вамъ... Вы сами его желали.

Стоить на высомъ берегу красивое село. Солнце играетъ лучами своими на золотыхъ крестахъ стариннаго единовѣрскаго храма... Чудная аллея таме... Не стоитъ у дверей храма только стражъ истинный овецъ своихъ. Нѣтъ у него ласки на лицѣ, нѣтъ у него привѣта отчаго, нѣтъ думы глубокой о старой, какъ Волга, вѣрѣ села.

Храмъ не бываетъ уже забвеніемъ отъ горя, страданья, не бѣгутъ въ него отъ мелкихъ, но вѣчныхъ заботъ ежедневной жизни...

Многіе, многіе ушли.

И думаютъ думу. Почему произошло то, чему не слѣдовало-бы имѣть мѣста.

— Печальника нѣтъ у насъ, заступника, который каждую овцу огромнаго стада, разбросаннаго по лицу Русской земли, принялъ бы такъ, какъ родную. Каждая душа мысленно летѣла бы къ нему и вопрошала—какъ итти по пути, который скорѣе и вѣрнѣе ведетъ къ царству Христа на землѣ и на небѣ.

Всѣ имѣютъ, всѣ радостно могутъ ликовать, всѣ могутъ сплотиться и всѣхъ освѣтитъ свѣтъ истины, а мы...

— Други мои, сказалъ однажды сѣдой Прохоръ Дементьевъ, самый старей на всемъ селѣ—други мои, заступника у насъ нѣтъ—епископа.

Старый Прохоръ глубоко кольнулъ сердце. Мысль о своемъ епископѣ—занимаетъ самый красный уголь головы каждаго единовѣрца. Только вскрылъ старую рану, Прохоръ!

— Други, послѣ долгой минуты молчанья, вновь заговорилъ онъ—соберемъ немного и построимъ часовню на нашемъ учесѣ Николѣ Угоднику. Будемъ молить Его о помощи...

И построили... И молятся!..

Василій Мед...

Не пора ли?

Теперь, когда все смѣшалось, спуталось, расползлось во всѣ стороны, въ высшей степени трудно разобраться и уяснить себѣ все происходящее.

Мы, какъ интеллигенты и не интеллигенты, глубоко были убѣждены, что церковь не должна соприкасаться съ политикою и съ большимъ огорченіемъ встрѣтили

и доннынѣ встрѣчаемъ вѣсти о томъ, какъ по всей землѣ Россійской—священники, со рвеніемъ, достойнымъ лучшей участи, расписавали со своихъ кафедръ и амвоновъ различныя политическія партіи, то осуждая однѣ, то сочувствуя другимъ, и, такимъ образомъ, превратили мѣста проповѣди о святой и истинной жизни, необходимой для служенія Единому Великому и Вѣчному Богу, въ трибуны борьбы и дикой нетерпимости.

И казалось намъ, что церковь, а съ нею школа, какъ единственные воспитатели челоуѣчества въ правдѣ, равенствѣ, любви, не должны откликаться на будничныя мелкія явленія. Въ этомъ величіе церкви, въ этомъ ея вѣчность—величавое спокойствіе, безстрастность и истинная любовь ко всѣмъ.

...А русская жизнь, сначала тихо, затѣмъ упорнѣе и громче стала стучать въ двери церкви, поднимать глаза на пастырей—и... ждать.

Чего?

Огненнаго слова.

Ибо нѣтъ силъ молчать устами, когда рушится жизнь челоуѣческая!

Нѣтъ силъ молчать, когда нравственно уродливая толпа живетъ и дышитъ неслыханными звѣрствами.

Силъ нѣтъ—когда родъ людской, разнузданный и безстыдный, съ хохотомъ и пляской, шумной рѣкой льется или въ ту сторону, гдѣ продажа разврата идетъ день и ночь, или въ иную сторону—гдѣ свободно можно лицедрѣть и любоваться агоніею смерти чистаго духа, схваченнаго и сжатаго въ желѣзныя щипцы...

Одни, потерявъ и крупинки своей вѣры въ лучшую жизнь, обманутые и извѣрившіеся въ восходящее добро и правду міра, бросились, очертя голову, въ самую глубину пучины „повседневщины“, гдѣ каждая строка печатнаго слова какъ-бы окрашивается и смачивается горючими слезами... другіе, отойдя нѣсколько, дрожа и блѣднѣя за каждый мигъ своей жизни, за каждую живую мысль, за каждое слово правды, точно потеряли рассудокъ и широко открывъ глаза, съ застывшими улыбками на мертвыхъ лицахъ, стоятъ невольными зрителями окружающихъ ихъ безумствъ...

И да встанетъ церковь и ея пастыри.

Высоко поднявъ Крестъ Христа Іисуса, властнымъ голосомъ, огненнымъ словомъ—да положить конецъ этой жизни.

Нельзя молчать, что есть еще иные пути, гдѣ мирно и честно, понявъ другъ друга, открывъ свои сердца со щедростью и любовью, перестанутъ страдать и гибнуть, міръ весь обновится, и дышать будетъ каждому вольно и свободно.

Нельзя не сказать заблудшему, если онъ сталъ звѣремъ, что прежде всего губить свою душу; что тотъ, кто насиліемъ рѣшилъ обновить землю, кромѣ ужаса и отвращенія—не имѣетъ другой награды; кто платитъ и воздастъ ближнимъ своимъ зубъ за зубъ, кто вынимаетъ мечъ въ отмщеніе—тотъ творитъ доброе дѣло только для дьявола и слугъ его.

Пора услышать отъ церкви и пастырей ея, услышать всему челоуѣчеству, громко, ясно и твердо, что каждому не раскаявшемуся въ дѣяніяхъ своихъ и чиня-

щему новыя дѣла позора для всего рода—ни въ семь вѣкѣ, ни въ будущемъ вѣкѣ—мѣста въ Домѣ Господнемъ нѣтъ и не будетъ.

„Связанное вами на земли—свяжется на небѣ; развязанное вами на земли—развяжется на небѣ“.

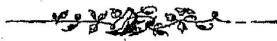
Такъ сказалъ Христосъ.

А кѣмъ посланы и для чего посланы Апостолы, пресвитеры?

Христосъ послалъ ихъ въ міръ для сѣянiя сѣмянъ „Любви“, для мира всему человѣчеству... для молитвы за покаявшихся и пришедшихъ на лоно церкви... для обличенiя и наученiя истинной жизни, что золотыми буквами прописана во Святомъ Евангелiи.

Пора, отцы церкви, пора, наши духовные отцы, поднять подъ небеса Крестъ Единого, Показавшаго Свѣтъ!

Б. Коршуновъ.

Запечатаніе алтаря въ единовѣрческой церкви.

Не легко живется и жилось единовѣрiю по мѣстамъ захоластнымъ, не только теперь, но и раньше. Подозрительность власти духовной, особенно Консistorской, по отношенiю къ единовѣрiю, была поразительна. Основываясь на донесенiяхъ сосѣднихъ съ единовѣрцами Великороссійскихъ причтовъ, иногда и пристрастныхъ, а иногда прямо-таки писанныхъ изъ за незнанiя духовныхъ потребностей народа, стремящагося изъ Великороссійскихъ приходовъ въ единовѣрческіе изъ за приверженности къ старому обряду, успокоить свой смущенный, но искренній душевный міръ.

Не малую, конечно, роль, въ подобныхъ нападкахъ на единовѣрцевъ, принимали и матеріальные расчеты членовъ причта, отъ коихъ бѣжали прихожане по спискамъ православные, а по убѣжденiю старообрядцы.

Единовѣрческія общины по христіанской любви своей къ заблудшей братiи, удовлетворяли душевныя немощи пришельцовъ и принимали, конечно, за это всю кару тяжелой консistorской десницы. Оправданiя единовѣрцевъ въ расчетъ мало принимались, и все дѣло вершилось формальнымъ слѣдствіемъ и судомъ духовнымъ, а ужъ суды духовные кому они не извѣстны? Недаромъ и сложилась у насъ поговорка, „избавь Боже, отъ глада, меча и Консistorскаго палача“. Само собой понятно, что переходъ отъ прихода Великороссійскаго въ единовѣрческій это преступленіе страшное. Недаромъ и въ Платоновскихъ пунктахъ сказано, что причащеніе отъ единовѣрческаго священника для православнаго можетъ быть лишь допущено въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ „сущу смерти“.

И неудовлетворенный народъ духовно, невольно искалъ выхода въ расколъ, гдѣ уже по судамъ Консistorскимъ хотя его не будутъ таскать, а за запись свою по спискамъ православныхъ приходовъ, онъ

сумѣетъ откупиться „новью“ *) и все будетъ мирно. Допусти своевременно приверженнаго къ старому обряду въ приходъ единовѣрческій, думается Православная Церковь не лишилась бы такого количества своихъ чадъ и единовѣрiе сослужило бы свою службу соединенству со Св. Церковью.

Строго соблюдая свои жизненные интересы, Великороссійскіе причты зорко слѣдятъ за вновь появляющимися, невесьма желанными, сосѣдями—единовѣрцами и малѣйшее стремленіе ихъ прихожанина къ единовѣрiю воздвигало цѣлую бурю и нескончаемую волокиту духовнаго суда, причемъ, конечно, обвинялись совратители—причты единовѣрческіхъ приходовъ. Ихъ сокращали, примѣрно наказывали, дабы и другимъ неповадно было.

Но мы здѣсь укажемъ случай, гдѣ за подобное „злостное дѣянiе“ ужъ не одинъ причтъ пострадалъ, а наказана была и сама единовѣрческая церковъ-зданіе. И чѣмъ же была наказана? Нибольше ни меньше, какъ запечатаніемъ (!?) алтаря Господня и Трапезы Божьей!

Прочтя въ 8 №-рѣ „Правды Православiя“ замѣтку священника О. А. Хенева, какъ возникло единовѣрiе въ с. б. Мурашкинѣ Нижегородской Епархіи, мы и вспомнили печальную страничку изъ исторiи этой-же единовѣрческой Покровской церкви с. б. Мурашкина.

По имѣющемуся у насъ подъ руками письменному документу, мы подѣлимся съ читателями—единовѣрцами съ этимъ грустнымъ событiемъ.

По принятiи Высоковской обителию единовѣрiя и благодаря влiянiю присноблаженнаго ея игумена старца Герасима, открылось единовѣрiе въ селѣ б. Мурашкинѣ. Мурашкинская моленная начетчика Якова Семенова стала единовѣрческой, и новые единовѣрцы около двадцати лѣтъ совершали въ ней всѣ христіанскія богослуженiя, кромѣ Божественной Литургiи.

Но вотъ въ 1827 году, Мурашкинскіе единовѣрцы во главѣ съ старцемъ игуменомъ Высоковской обители Герасимомъ, обратились къ Епископу Нижегородскому Афанасію съ просьбой разрѣшить имъ пристроить къ моленной алтарь и освятить моленну въ церковь впредь до устройства новаго каменнаго храма. Благодаря ходатайству Игумена Герасима и его влiянiю, просьба Мурашкинцевъ была удовлетворена и въ маѣ мѣсяцѣ мы уже видимъ, что отецъ Герасимъ освящаетъ вновь сооруженный алтарь, съ какого времени и совершается въ немъ Божественная служба вновь рукоположеннымъ священникомъ Яковомъ Семеновымъ, бывшимъ начетчикомъ.

Но вотъ—тутъ-то и начало злослуженiй новыхъ единовѣрцевъ. Видимо, вновь образовавшійся приходъ возымѣлъ должное влiянiе на окружающую среду и раскольниковъ и старообрядствующихъ православныхъ.

*) Такъ называется сборъ съ прихожанъ въ Россійскихъ губерніяхъ натурой, т. е. рожью, овсомъ и проч.

Великороссійскіе причты с. б. Мурашкина донесли Епархіальной власти, что единовѣрцы „разными нечестными и вздорными своими внушеніями весьма многое число православныхъ обою пола, какъ села б. Мурашкина, такъ и окрестныхъ селеній, совращаютъ въ свое сообщество“. Результатами такого доноса и было строжайшее слѣдствіе въ с. Мурашкинѣ. Прибывшій для производства духовнаго слѣдствія Архимандритъ Благовѣщенскаго монастыря Іоакимъ, согласно резолюціи Преосвященнаго Афанасія, первымъ дѣломъ запечаталъ алтарь храма и приступилъ къ дознанію и всестороннему разслѣдованію. Но изъ всего слѣдственнаго производства отца Архимандрита Іоакима видно, что доносъ причтовъ совершенно несправедливъ и факты указанные доносчиками при слѣдствіи являются недоказанными. Хотя слѣдствіемъ единовѣрцы и были опрѣданы отъ лживаго доноса, но храмъ ихъ въ глазахъ окружающаго раскола, остался опозореннымъ а алтарь Господень запечатаннымъ.

Въ сильное душевное смущеніе пришли единовѣрцы с. Мурашкина. Многие слабые духомъ, видя такое вопіющее поруганіе ихъ храма, ушли обратно въ расколъ, многие перешли въ будущую жизнь безъ напутствія и единовѣрческая община стала распадаться.

Не получая никакого рѣшенія отъ Епархіальной власти съ іюля мѣсяца до ноября, Мурашкинцы по совѣту блаженнаго своего учителя старца Герасима, рѣшили сами напомнить Владыкѣ о своемъ дѣлѣ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ была послана въ г. Нижній депутата въ составѣ крестьянина Феодора Феодорова Яшнова и церковнаго старосты крестьянина Андрея Иванова Преснякова, которые подали Преосвященному Нижегородскому Афанасію слѣдующую просьбу.

„Сего 1827-го года февраля мѣсяца по погрѣшенію Костромской губерніи Высоковской единовѣрческой пустыни игумена іеромонаха Герасима, въ сходственноть желанія означенной Покровской церкви, существующая въ нашемъ селѣ Мурашкинѣ не менѣе двадцати лѣтъ единовѣрческая часовня обращена, вслѣдствіе резолюціи вышнего Преосвященства, съ пристройкой къ ней алтаря въ церковь, впрѣдъ до выстроения нами вновь каменной; которая церковь имѣе же игуменомъ въ маѣ мѣсяцѣ освящена, почему и совершалось въ ней богослуженіе до Іюля мѣсяца. Нынѣ же къ несчастію нашему нѣкоторые Мурашкинскіе священно-церковно-служители негодую на насъ по неувѣстнымъ намъ причинамъ, донесли Вашему Преосвященству, что якобы мы разными нечестными и вздорными нашими внушеніями, весьма, многое число православныхъ обою пола какъ села Большаго Мурашкина, такъ и окрестныхъ селеній совращаемъ въ свое сообщество, что однакоже несправедливо. По произведенному Благовѣщенскаго монастыря отцомъ Архимандритомъ Іоакимомъ изслѣдованію, доносъ ихъ оказался ложнымъ, церковь же наша, по такому ихъ священноцерковнослужителей доказанію, вслѣдствіе резолюціи Вашего Преосвященства, или отцомъ Архимандритомъ, въ томъ же Іюлѣ мѣсяцѣ запечатана, которая и доннынѣ находится въ такомъ положеніи, отчего недавно присоединившіяся къ ней изъ разныхъ сектъ единовѣрцы, не слыша совершенія Божественной Литургіи, кромѣ отправленія всемогущихъ бдѣній и часовъ и видя сію привратность, стали мало по малу уклоняться отъ оной. Нѣкоторые же совершенно удались въ преженія заблужденія и померли безъ всякаго напутствія. Прочіи же прихожане находятся въ слу-

пешномъ и прискорбномъ положеніи. А по симъ обстоятельствомъ, прибѣгая къ свѣтительской Особѣ Вашего Преосвященства, всепокорнѣйше просимъ, во избѣжаніе того, дабы прихожане означенной единовѣрческой церкви по разлученности ихъ духа отъ неслышанія исправленія Божественной Литургіи, не отпали-бы всѣ отъ оной, такъ какъ приходъ сей состоитъ большею частію, изъ обратившихся отъ разныхъ сектъ, въ расколъ да и другихъ не вовлекли бы въ таковыя пагубныя заблужденія. Оную нашу единовѣрческую церковь приказать чрезъ кого слѣдуетъ распечатать и потомъ совершать въ ней по пражнему Богослуженію, чрезъ недавно произведеннаго къ ней священника Іакова Сименова дозволить, о чемъ и учинить Милостивѣйшую Архипастырскую резолюцію. Ноября 8 дня 1827 года (подписъ пресвителей).

Преосвященный Афанасій внявъ просьбу пресвителей и на ихъ прошеніи учинилъ слѣдующую резолюцію: „Дозволяются распечатать оную церковь и совершать въ ней Божественную Литургію, съ тѣмъ, что-бы принадлежаціе къ ней единовѣрцы, никого изъ православныхъ къ себѣ отнюдь не привлекли и нелѣпыхъ слуховъ какъ прежде не распространяли; въ противномъ же случаѣ церковь ихъ имѣетъ быть пока запечатана. 1827 года 10 Ноября № 4173“.

И такъ, слѣдственное производство не спасло Мурашкинскихъ единовѣрцевъ, оно не сняло виновности съ нихъ и Епархіальная власть осталась при убѣжденіи ихъ преступности. Пусть лучше ревнителі и приверженцы стараго обряда идутъ въ расколъ, но единовѣрцы, подѣ страхомъ новаго опечатанія своего храма, обязывались не принять ихъ.

Такое рѣшеніе дѣла Нижегородскимъ Епископомъ краснорѣчиво говоритъ, каково было отношеніе Придержавной власти къ нашему многострадальному единовѣрцію и въ старинные годы.

Приходится лишь удивляться и благодарить Бога, какъ еще осталось живо многострадательное святое соединенство. И еще рѣшаются говорить о нечестности замысловъ и не искренности единовѣрцевъ, при вопросѣ о самостоятельномъ Единовѣрческомъ епископствѣ. Дорогой цѣной столѣтняго терпѣнія стяжали мы себѣ право быть удовлетворенными въ вѣковомъ чаяніи нашемъ.

Будь у единовѣрціа за описанное нами время свой епископъ, который бы въ кругу своей святой епископской братіи прямо изложилъ духовную жажду приверженнаго къ старинѣ народа и указалъ, что стремленіе старообрядствующаго къ единовѣрцію не вредъ Православію нанесетъ, а спасетъ тысячи душъ христіанскихъ отъ душепагубнаго заблужденія въ дебри раскола. И мы думаемъ, богомудрая любовь собратьевъ епископовъ, не отнеслась бы такъ какъ въ описанномъ случаѣ, и стадо Христово не разбредлось-бы по темнымъ дебрямъ Керженскихъ и Бѣлбашскихъ лѣсовъ.

А нынѣ? Не то еще творится по захоlustыямъ? Страдаетъ несчастное единовѣрціе отъ Консistorской опеки. И когда же спадутъ съ насъ „пути ручные и оковы желѣзны“? И когда же дадутъ нашему единовѣрцію жить и мыслить по единовѣрчески въ дѣлахъ вѣры и своего древнерусскаго строя?

Единовѣрческой свящ. І. Черединовъ.

Митрополитъ Антоній и его отношеніе къ автономіи Единовѣрціа.

Въ прошедшемъ октябрѣ текущаго года, Высокопреосвященный Митрополитъ С.-Петербургскій Антоній издалъ довольно характерное по нынѣшнему времени распоряженіе. Оно касается Единовѣрческой столичной общины и послѣ 17 октября 1906 года является довольно страннымъ. Преосвященный епископъ Кириллъ, исполняя волю Митрополита, приглашалъ отцовъ настоятелей единовѣрческихъ церквей г. С.-Петербурга и предложилъ имъ заготовить списки прихожанъ. На основаніи этихъ списковъ, отцы настоятели должны будутъ рассылать приглашенія на общее собраніе.

Съ такой постановкой дѣла Единовѣрцы, при всемъ желаніи избѣгнуть разнаго рода препирательствъ и неприяностей, не согласятся.

Октября 17 дня текущаго 1906 года, Государемъ Императоромъ утвержденъ законопроектъ о старообрядцахъ. Правила новаго закона изображаютъ внутренній бытъ старообрядцевъ, ихъ организацію, устройство ихъ общинъ, порядокъ собраній и т. п.

Отличіе Единовѣрцевъ отъ старообрядцевъ заключается въ томъ, что единовѣрцы принимаютъ іерархію отъ Великороссійской церкви.

Итакъ, законъ 17 октября 1906 года долженъ былъ бы указать Его Высокопреосвященству, чего православные старообрядцы желаютъ и къ чему они стремятся. Если они отстаиваютъ неприкосновенность выработанныхъ ими подъ предѣлительствомъ епископа Кирилла положеній объ общинъ собраніяхъ, то отстаиваютъ не ради какого либо упорства, а единственно потому, что во внутреннемъ своемъ устройствѣ хотятъ оставаться старообрядцами. Другіе, посѣщающіе ихъ храмы, какъ хотятъ—имъ они не преграждаютъ дороги—пусть уходятъ въ Великороссійскіе церкви. Единовѣрцы просятъ оставить ихъ въ покоѣ и не трогать того, что заведено вѣками.

Духовенство въ правѣ принимать въ православно-старообрядческія общины кого имъ заблагоразсудится. Но сами Единовѣрцы не могутъ всѣхъ принятыхъ духовенствомъ считать за полноправныхъ членовъ своей общины.

Исповѣдныя росписи и метрика, ведомые духовенствомъ, для нихъ не составляютъ главнаго документа, по которому узнается принадлежность того или другого къ Единовѣрцію. Въ тѣхъ и другія книги духовенство включаетъ всѣхъ приходящихъ къ нему съ требами — и великороссійскихъ единовѣрцевъ. Посему просятъ Владыку Митрополита различать эти два момента: а) приписку къ общинѣ, формальное численіе въ приходскихъ книгахъ и б) дѣйствительную принадлежность къ общинѣ въ качествѣ полноправнаго ея члена.

Зачеркивая всѣ тѣ признаки въ 3 § правилъ, по которымъ единовѣрческая коммиссія рѣшила судить о полноправіи того или другого ея члена, Его Высокопреосвященство отдаетъ Единовѣрцевъ на произволъ

толпы. По мнѣнію Митрополита, тотъ будетъ членъ общины, кого признаетъ общее собраніе. Но является вопросъ, кто же составитъ это собраніе. Если на общемъ собраніи будутъ участвовать тѣ, кои составляли, напримѣръ, собраніе 15 января 1906 года, то православные старообрядцы напередъ заявляютъ: подобныя собранія незаконны.

Ясно, что метрическія и исповѣдныя (духовныя) книги,—однѣ, безъ другихъ свидѣтельствъ и указаній, не могутъ служить основаніемъ: кто имѣетъ право и долженъ быть приглашенъ на собраніе

Митрополитъ желаетъ лишить единовѣрцевъ не только правъ, принадлежащихъ имъ какъ старообрядцамъ, но и тѣхъ преимуществъ, какія принадлежатъ приходскимъ Великороссійскимъ церквамъ. Въ декабрѣ мѣсяца 1905 года, въ послѣднихъ заведеніяхъ приходскіе совѣты. Въ нихъ участвуютъ не только духовные, но и свѣтскіе представители приходовъ. По выработаннымъ Единовѣрческою коммиссіей правиламъ и староправославныхъ вмѣсто приходскихъ совѣтовъ такъ называемыя соединенныя собранія. По составу своему то же что и совѣты.

Его Высокопреосвященство, однако, единовѣрческихъ соединенныхъ собраній не признаетъ. Повѣстки на приходскія собранія поручаетъ посылать отцамъ настоятелямъ. Списки составлять—причтамъ, не приглашая сюда ни старостъ, ни попечителей.

Идя на встрѣчу миру, единовѣрцы включили причтъ въ число членовъ соединеннаго собранія. Вмѣсто того, чтобы укрѣпить эту связь сильнѣе, Владыка разрываетъ ее и зачеркиваетъ старостъ и попечителей. Онъ недовѣряетъ имъ. Онъ поручаетъ вести дѣло отцамъ настоятелямъ. Митрополитъ ставитъ ихъ лишь однихъ во главѣ общины. Но это не соответствуетъ духу правъ единовѣрціа 1800 года, это не согласно съ буквою Императорскаго Указа Святѣйшему Синоду 1845 г. отъ 5-го Апрѣля. Этимъ указомъ запрещается чинить единовѣрцамъ стѣсненія въ ихъ обычаяхъ, въ ихъ быту церковномъ.

Единовѣрцы просятъ Его Высокопреосвященство не поддерживать въ ихъ единовѣрческомъ обществѣ раздѣленій. Старосты и попечители—представители приходовъ, и обходить ихъ въ дѣлѣ созыва и составленія собранія—значитъ подрывать весь строй, открывать путь къ безначалію, смутѣ, безпорядкамъ въ приходѣ, а потому противорѣчитъ всему ихъ быту, освященному столѣтіями.

Будь ихъ духовенство природное—тогда, можетъ быть, они меньше бы возражали. Но такъ какъ оно всѣ помыслы свои обратило на то, чтобы перевести единовѣрціе и переименовать единовѣрческія церкви въ великороссійскіе и для того подыскиваетъ себѣ партію среди прихожанъ—то представители дѣйствительныхъ единовѣрцевъ г. С.-Петербурга вынуждаются утруждать Его Высокопреосвященство и просить не измѣнять выработанныхъ ими правилъ и не отнимать у нихъ правъ участвовать въ составленіи приходскихъ списковъ и созывѣ собраній, не только обыкновенныхъ, но и экстренныхъ.

В. Соловьевъ.

Причины появления и развития нашего сектантства.

Сектантство давно уже у нас существует. Много о немъ и написано. Но знаемъ его мы все еще плохо. Это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что большинство изслѣдователей его подходило къ нему всегда съ извѣстнымъ, уже напередъ сложившимся взглядомъ на него, а поэтому и видѣть въ немъ могло лишь то, что подходило и что оправдывало это предубѣжденіе. Отсюда вполне естественно то, почему у насъ однихъ и тѣхъ же сектантовъ одной и той же даже мѣстности характеризуютъ у насъ слишкомъ разнообразно, — различно до противоположности; одинъ ничего болѣе библейскаго буквѣдства въ нихъ не находитъ, другой открываетъ въ нихъ проявленіе духа жива; для одного они — самые опасные члены общества и государства, для другого они — самые желанные и благонадежные сыны христіанской общины.

А хорошо теперь сознано, что познать сектантство состороны причинъ его появления, его внутренней сущности, условий его живучести и внутренней силы — это сдѣлать большое дѣло для подавленія сектантскаго движенія. Когда извѣстна болѣзнь — причины ея появления и ея характеръ — врачу легко найти и средства къ ея излѣченію. А мы, врачи духовные, все еще ходимъ кругомъ да около въ опредѣленіи духовно-религіозной болѣзни нашего русскаго народа, и долго будемъ бродить наугадъ — въ потемкахъ, пока близко и искренно, безъ всякихъ предвзятостей, вплотную подойдемъ къ сектантству и посмотримъ на него во всемъ его ростѣ, безъ малѣйшаго умаленія всего того добраго и свѣтлаго, что въ немъ имѣется.

Для этого пужно оставить старыя приемы изученія сектантства — со словъ другихъ, разныхъ его изслѣдователей и наблюдателей, — а послушать самихъ сектантовъ, что они сами о себѣ говорятъ. Матеріаль, откуда мы можемъ узнать, что сектанты говорятъ о себѣ, о причинахъ своего отпаденія отъ Церкви, даютъ намъ двѣ книги А. С. Пругавина, „Религіозные отщепенцы. Очерки современнаго сектантства“ (1903 г. Спб.). Въ нихъ авторъ даетъ описаніе быта, правоученія и отчасти вѣроученія сектантовъ: слотаевцевъ, апостола Зосимы, еретиковъ (1 вып.), немоляковъ, медальчиковъ, „вредной секты“, новой секты, штунды среди великороссовъ, бѣлоризцевъ и интеллигентной секты (2 вып.), — какъ все это рассказывали автору лично знакомые ему сектанты или судебныя дѣла о нихъ.

Вотъ какъ и что говорятъ сектанты о причинахъ отпаденія своего отъ церкви и о себѣ самихъ.

„Вездѣ обманъ, вотъ што! Въ какой городъ ни придешь, вездѣ неправда. Вездѣ за мздой гоняются, какъ бы только прибытку больше нажить, какъ бы мошну набить... Каждый поровитъ побольше зацапать другъ предъ дружкой... Всякъ себѣ рветъ... У насъ теперь тридцать дворовъ, тридцать посѣвовъ... Огурцы, конопля — все раздѣлиши... Тридцать у насъ сторожовъ!.. А когда устроится будетъ, тогда одинъ сторожъ будетъ, а то и ни одного... Какая у насъ вѣра?.. Одинъ — такъ, другой — такъ... Одинъ грабитъ, другой убиваетъ... Нѣтъ у насъ вѣры!.. Вѣра одна, вѣра — любовь; а любви нѣтъ — значитъ и вѣры нѣтъ никакой“... „Богъ — любовь, стало быть, гдѣ любовь, — тамъ и Богъ, а гдѣ любви нѣтъ, тамъ и Бога нѣтъ“... „Богъ есть правосудіе... Богъ не есть неустройство. Богъ есть добро и любовь. Богъ прославляется въ словѣ, въ поученіи одного другимъ... Каждый можетъ имѣть въ себѣ Бога... И ты можешь быть Спасителемъ, только живи по евангельски“ (I, 157).

„Всѣ люди живутъ не такъ, какъ надо жить и не такъ, какъ жили и учили святые отцы. Жить надо по правдѣ, жить надо просто, разумно, не давать воли страстямъ“. „Вотъ нигдѣ порядку нѣтъ — ни въ церковныхъ дѣлахъ, ни въ гражданскихъ, ни въ мірскихъ... нигдѣ нѣтъ“ (II, 199, 210).

„Въ судахъ правды почитай что совсѣмъ нѣтъ. Судьи должны судить по евангельски, но никто не судитъ такъ. Правды въ жизни нѣтъ, поэтому и судей такихъ ставятъ: пьяницъ, злыхъ, мздоимцевъ... На судѣ должны всякое дѣло рассмотреть, разспросить, а теперь другой разъ на судѣ то и слова не дадутъ сказать: „молчать“...“ (I, 112).

„Богъ — правосудіе и власть — правосудіе. Начальники — Божіи служители. Начальство дадено затѣмъ, чтобы правосудіе на землѣ было. Но теперь многіе начальники измѣну дѣлуютъ... Коли начальникъ начнетъ неправильно судить, то Богъ отступится отъ него и діаволъ станетъ одесную его (у Давида сказано). Такой начальникъ станетъ хуже діавола. Тогда ты его уже не слушай. Противъ такого начальника встать можно“ (I, 164).

„Я считаю, что наши Государи начали поступать не по Христу, въ особенности съ Петра I-го, который перенесъ столицу изъ святого города Москвы въ С.-Петербургъ и подчинилъ свѣтской власти духовенство, образовавъ Синодъ, тогда какъ духовенство должно быть въ зависимости отъ себя. Исусъ Христосъ предалъ первенство духовной власти ап. Петру, а сей самъ назначилъ епископовъ и преемниковъ, и такъ власть духовная передавалась по преемству... Петръ подчинилъ духовенство, оно и стало поступать не по христіански“ (II, 183-4).

Отсюда заключеніе, что „все зло отъ духовныхъ“ (II, 148).

Оно 1) не учитъ: „На праздникъ это было. Священникъ по дворамъ съ крестомъ ходилъ. Пришелъ къ намъ въ избу. Посадили его въ боль-

шой уголь, стали спрашивать... Сталъ я его о крещеніи спрашивать: „Какого еще, говорить, тебѣ крещенія нужно? Палкой окрестить тебя, што-ли? Я ему резонтъ выговаривать сталъ... „Зналь бы, говорить, въ купели тебя утопилъ“. И началъ браниться... Я все молчу... Какъ пересталъ браниться, я ему и говорю: „Объясни ты мнѣ еще одно мѣсто, и читаю ему изъ посланія къ Евреямъ (X, II). О чемъ говорю тутъ сказано? И даю ему въ руки Евангеліе. Онъ взялъ, прочиталъ, да ка-акъ шваркнетъ его на полъ, прямо подь порогъ. „Яйца курциу не учать“, говорить. Страхъ меня взялъ. Што-ты, батька, надѣлалъ? Вѣдь это ты Слово Божіе... Такъ-то ты считаешь Христовы Слова?! Ну, говорю, съ этихъ поръ я тебя не приму“ (I, 122—123).

Оно 2) живетъ дурно. Всѣ сектанты заявляютъ, что „священники поступаютъ вопреки евангельскому ученію“ (II, 141).

Оно 3) требуетъ плату за таинства, иногда торгуясь. Дите у насъ умерло... Похорони, говорю, батюшка. (Какое слово-то: *батюшка!*) „Ладно, говорить, давай полтинникъ“. Нельзя-ли, молъ, поменьше... Не соглашается. А денегъ у меня въ ту пору всего на всего тридцать копеекъ было... Ушелъ я домой и думаю про себя: какъ такъ? За пятьдесятъ можно, а за тридцать нельзя? За пятьдесятъ примутъ, а за тридцать не примутъ? Не можетъ этого быть. И увидѣлъ я тогда, что грѣшенъ я кругомъ... Да нешто можно о Божьемъ благословеніи торговаться? Нельзя покупать, думаю, Божьяго благословенія. Коли самъ не заслужишь, то ни за какія деньги его не купишь. Ни за какія тысячи не купишь... А коли заслужишь, то и безо всякихъ денегъ получишь... Раздумалъ я все это, взялъ дите и самъ похоронилъ—безъ попа, безъ дьяка, безъ всего.... Али опять, бывало, спросишь кого: былъ на духу?—„Нѣтъ, скажешь, не былъ“.—А отъ чего не былъ?—„Денегъ не было, съ деньгами не собрался“... Ну и выходитъ, что за деньги грѣхи-то отпускаютъ: есть деньги—отпускаютъ, нѣтъ денегъ—не взыщи!“ (I, 106—107).

Вотъ мировоззрѣніе нашихъ сектантовъ, ихъ собственными словами изложенное. Въ немъ совсѣмъ нѣтъ мѣста вопросамъ догматическимъ; вся мысль, все вниманіе сектантовъ сосредоточены на вопросахъ общественной правдивности. Съ этой стороны разсматриваемая жизнь наша—русскихъ православныхъ людей—дѣйствительно, не удовлетворяетъ чуткаго сердца и пытливаго ума; она будитъ запросы, нарождаетъ недовольство, наполняетъ сознаніе неудовлетворенностію, склоняетъ русскаго богомольца къ разочарованію православной Церковію и влечетъ его къ сектанству.

Дурная жизнь всѣхъ насъ православныхъ—вотъ главная причина ухода отъ насъ очень многихъ сектантовъ.

(Окончаніе будетъ).

Свящ. М. Чельцовъ.

Безнадежный.

Морозъ крѣпчалъ. Сухой снѣгъ, сдуваемый съ крышъ домовъ, носился тучами по улицамъ и застилалъ все передъ глазами. А вѣтеръ еще больше усиливался—казалось, онъ пытался уносить съ собою бѣжавшихъ по улицамъ пѣшеходовъ.

Литейный мостъ представлялъ изъ себя бѣлую пустыню. Если бы не два—три огонька, боровшихся съ темнотою и вѣтромъ, то потухая, то слабо мерцающая блѣдно-желтенькимъ свѣтомъ—можно было подумать, что никакой живой жизни на немъ нѣтъ.

Каждый, кто подходилъ къ мосту, надвигалъ на глаза шапку или шляпу, закладывалъ руки въ карманы или въ рукава, вздыхалъ и уже съ рѣшимостью во что бы то ни стало побороть вѣтеръ и мглу—шелъ возможно скорымъ шагомъ или въ припрыжку.

—Ухъ,—вскрикнула какая-то бѣлая фигура въ шапкѣ и пальто безъ теплаго воротника, но съ башлыкомъ на плечахъ и въ большихъ калошахъ.

Она быстро побѣжала къ мосту, полузакрывъ глаза и наклоняясь впередъ.

Ухъ,—послышалось издали, а потомъ сердитый возгласъ: „Да что вы? Прямо идете на человѣка?“

— Извините, я очень спѣшу.

— Позвольте, я тоже спѣшу, но не иду на встрѣчныхъ и...

— Маленькая разница...

— Какая же разница?—раздраженно спросила бѣлая фигура, но тутъ же замѣтила, что разница была значительная.

Передъ ней стоялъ высокій человѣкъ въ поддѣльномъ барашка шапкѣ, въ поружѣломъ пальто, обхватывавшемъ владѣльца плотно, точно мокрою рубахою, изъ чего можно было заключить, что въ пальто не имѣлось ни малѣйшаго клочка ваты. Руки въ короткихъ рукавахъ пальто заложены были въ карманы, а голая шея была мокрой и блестящей отъ таявшаго на ней снѣга.

— Извините, и господинъ въ башлыкѣ и высокихъ калошахъ, почувствовавъ крайнюю неловкость своего положенія, хотѣлъ раскланяться и удалиться.

— Ничего, сударь, тихо произнесъ высокій человѣкъ. Вотъ, если возможно, пожертвуйте хотя бы копейку... на согрѣвающее.

— Имѣю только одну монету въ двадцать копеекъ... Впрочемъ, вдругъ спохватился говорившій, хотите нѣсколько запрещенныхъ номеровъ ежедневнаго изданія? Вы продайте ихъ... Они мнѣ сейчасъ достались отъ пріятели... Хотите?

— Благодарю васъ... Пожалуй...

Маленькій свертокъ былъ врученъ высокому человѣку. Рука, бравшая свертокъ, была красной. Пальцы двигались такъ, какъ будто были составлены изъ длинныхъ, загнутыхъ крючками костей.

— Не поминайте, сударь, худымъ бѣднаго, сказалъ высокій человѣкъ, быстро отошелъ и направился къ Литейной улицѣ.

Невскій не имѣлъ обычнаго вида. Людей, которые выходили гулять, не было вовсе. Всѣ думали о своихъ жилищахъ, о постеляхъ или о шумящихъ самоварахъ и горячемъ чаѣ.

— Запрещенные номера газетъ, запрещенные номера...—озябшимъ голосомъ съ хрипотою и отрывисто произносила высокая фигура въ порыжѣломъ пальто съ заложенными въ карманы руками.

Кое кто бросалъ на нее взглядъ, но вновь отводилъ и, шурясь отъ сыпавшагося сухого снѣга, поспѣшно шель впередъ.

Какая то женщина, закутанная въ сѣрый пла-токъ, въ тонкихъ ботинкахъ на высокихъ каблукахъ, высоко поднявъ платье, вдругъ остановилась передъ фигурою предлагавшаго номера запрещенныхъ газетъ, взглянула вверхъ и спросила: „скажите, гдѣ я“?

Фигура вздрогнула.

— Вы на Невскомъ, у Надеждинской.

— Боже мой, что это такое со мною, и она быстро повернула назадъ и побѣжала.

Высокая фигура долго провожала ее глазами... Холодно... Вѣтеръ замораживалъ на смерть... Ноги еле держали тѣло...

— Запрещенные номера газетъ...

— Какіе номера,—спросилъ господинъ въ чернаго мѣха шубѣ и подошелъ къ продававшему.

— „Глазки“, „Улыбки“, „Воробышекъ“...

— Воробышекъ тоже есть?

— Есть, сударь, три номера.

— Три, говорите?

— Три.

— Сколько дать? А покажите ихъ.

Фигура, быстро, на сколько повиновались замерзшіе пальцы, отдѣлила три номера „Воробышка“ и протянула господину въ шубѣ.

Тотъ посмотрѣлъ, аккуратно сложилъ и спряталъ въ карманъ.

— Сколько хотите?

— Не знаю, сударь, что они стоятъ.

— Гм... А вы не купили ихъ?

— Нѣтъ, мнѣ подарили... Я бѣденъ.

— Извольте, и господинъ вынулъ два двугривенныхъ.

— Довольно-ли, спросилъ онъ?

— Вполнѣ... благодарю васъ... очень достаточно... и высокая фигура закивала головою.

Покупатель, задохнувшись въ шубу, не спѣша, пошелъ къ Знаменской улицѣ.

— Слава Богу, шептали уста высокаго человѣка, поспѣшно прятывшаго оставшіяся товаръ въ боковой карманъ пальто. Пойду согрѣться... Озябъ очень...

Согнувшись и съжившись, точно желая собрать въ глубину остатки тепла, сохранившагося во всемъ тѣлѣ, и заложивъ руки въ рукава пальто,—онъ быстро зашагалъ своими длинными ногами на Лиговку. Съ каждой минутой улицы все больше пустѣли. Рѣдко кто ѣхалъ—и тогда казалось, что лошадь, сани, сѣдокъ и извозчикъ вылѣплены были изъ чистаго снѣга... Изрѣдка, на перекресткахъ, горѣли костры и возлѣ толпились и грѣлись разные люди.

Фигура быстро шагала.

— Не выдержалъ бы я, думалъ онъ, если бъ пришлось еще хотя часикъ постоять на одномъ мѣстѣ. Ну и погода, Господи, точно убить насъ захотѣла въ одну ночь... И сколько холоду, узнать бы.

Онъ свернулъ въ сторону, прошелъ улицу и подошелъ къ двери закрытаго аптекарскаго магазина. Градусникъ съ окрашеннымъ въ синій цвѣтъ спиртомъ засыпанъ былъ снѣгомъ, но ясно было видно—восемнадцать градусовъ.

— Недаромъ я чуть не замерзъ, и фигура еще быстрѣе пошла впередъ.

У грязной двери, надъ которой висѣлъ и качался во всѣ стороны съ жалобными звуками фонарь съ красными стеклами, фигура остановилась.

— Здѣсь, произнесъ онъ, и грудью налегъ на дверь.

Тепло и раздражающій воздухъ яствъ сразу наполнили вошедшаго. Онъ на минуту остановился и снялъ шапку. Оглянувшись кругомъ, чтобы найти мѣсто за столикомъ, онъ замѣтилъ въ углу, у самой почти стойки, троихъ мужчинъ, тихо между собою говорившихъ. Подлѣ ихъ стола стоялъ свободный стулъ.

— Сяду туда, рѣшилъ вошедшій и направился къ стулу.

— Смотри, ребята, Безнадежный, вдругъ крикнулъ одинъ изъ троихъ сидѣвшихъ въ углу.

— А... Да и правда онъ, и остальные двое повернули головы и улыбались.

— Здравствуй, Сенька, произнесъ первый, худой, маленькій человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти—семи.

— Безнадежный и есть, уже увѣренно сказалъ другой сидѣвшій, постарше и дороднѣе. На немъ была надѣта ватная кофта съ воротникомъ, обвязаннымъ веревкою поверхъ грязнаго, желтаго платка.

— Садись съ нами, садись, пригласилъ онъ и отодвинулся въ сторону.

Тотъ сѣлъ.

— Ёсть хочу, произнесъ онъ, и... согрѣться, тихо и съ улыбкою добавилъ онъ.

— Дай, я схожу, Сенька.

Сенька вынулъ одинъ двугривенный и вручилъ человѣку въ ватной кофтѣ. Тотъ быстро всталъ, надѣлъ на голову картузь, подмигнувъ стоявшему за стойкой молодому парню и пошелъ къ двери.

Вскорѣ передъ Сенькой стояла миска съ супомъ, краюха хлѣба и тарелка съ кашей.

Но Сенька все еще шевелилъ плечами и потиралъ озябшія руки.

— Холодно, Сеня, спрашивалъ маленький, худенькій человѣкъ, и каждый разъ проводилъ лѣвой рукой по своей головѣ съ торчавшими кверху волосами.

— Понятно, Сергѣй, что намъ то всегда холодно. Восемнадцать градусовъ...

— Что ты, неужели?

— А при томъ вѣтеръ... Выборгская сторона, что могила. Еле удралъ... Спасибо, и Сенька легко вдохнулъ, какой то господинъ, вродѣ насъ съ тобою, замѣсто копейки далъ нѣсколько запрещенныхъ газетъ.

- Ну и зачѣмъ тебѣ газеты то?
- А продалъ три нумера „Воробышка“...
- „Воробышка?“ Да неужели далъ?
- За нихъ то я и получилъ сорокъ копеекъ...
- Только?
- Ну?

— Да вѣдь можно было по четвертаку за штуку взять.

— Э, что тамъ говорить, перебилъ недовольно Сенька и нахмурилъ лобъ.

Дверь съ шумомъ распахнулась и вошелъ посланецъ въ ватной кофтѣ.

— Изволь, Сеня, вынимая осторожно изъ внутренняго кармана бутылочку „казенки“, прошепталъ онъ.

Между тѣмъ разговоръ, продолжавшійся до прихода Сеньки и прерванный при его появлении, вновь начался.

— Напрасно, Сеня, дѣло важное, суетился худенькій, маленькій человекъ.—И риску никакого, право. Пойдемъ четверо... Ты даже не съ нами пойдешь, а покараулишь, значить, а дѣлить поровно. Пойдемъ, Сеня. Да и ночь сегодня хорошая—самая вѣрная. Что-же? идешь?

— Гм... прозвучалъ одобрительно до сихъ поръ молчавшій третій собесѣдникъ. На немъ былъ короткий пиджакъ изъ желтаго верблюжьяго сукна съ черными пуговицами. Онъ сосалъ коротенькую трубочку и молчалъ.

— Пойдемъ, Сеня, приставалъ маленькій человекъ, наживемъ...

— Наживать мнѣ уже поздно, Сергѣй, до сихъ поръ не нажилъ, а теперь не наживу—поздно.

— Вздоръ говоришь, возразилъ въ ватной кофтѣ, никогда не поздно наживать.

Сенька смѣрилъ его быстрымъ взглядомъ, но не сказалъ ни слова.

— Такъ не пойдешь и сегодня? спросилъ Сергѣй.

— Никогда, пожалуй, не пойду, спокойно и тихо отвѣтилъ Сенька.

— „Безнадежный!“ вынувъ трубку и дѣлая презрительную улыбку, произнесъ человекъ въ верблюжемъ пиджакѣ.

— Какъ хотите, мнѣ все равно, сказалъ Сенька и началъ искать второй двугривенный для расплаты за ужинъ.

Скоро онъ ушелъ. Насмѣшливо и съ шутками проводили его трое оставшихся сидѣть знакомцевъ.

— Подожди, вернешься когданибудь, крикнулъ въ догонку курившій трубку.

Сенька молча пожалъ плечами, но не сказалъ ни слова.

Морозъ и вѣтеръ караулили Сеньку у входныхъ дверей—сразу, точно насквозь, пронизали его холодомъ и дрожью.

— Экъ ихъ, буркнулъ Сенька и плотно надвинулъ на глаза шапку, а руки спряталъ въ карманы. Къ кому относился возгласъ Сеньки—къ погодѣ или друзьямъ—трудно сказать.

Онъ быстро пошелъ по направленію къ Пескамъ.

На углу Девятой улицы, почти на поворотѣ къ Болотной, онъ подошелъ къ костру. Возлѣ костра, на обрубкѣ, сидѣлъ дворникъ въ бараньей шубѣ и валенкахъ. Рядомъ стоялъ извозчикъ и усердно забиралъ подъ свой армякъ тепло—подъ армякомъ, замѣсто тулупа, было какое то пальто съ ключьями висѣвшей ваты. Видно было, пальто почти не грѣло, а сапоги, въ резиновыхъ калошахъ, совершенно покрылись льдомъ. Извозчикъ все время топалъ ногами, ежился и хлопалъ полами армяка, какъ бы раздувая пылавшій во всю костеръ.

На подошедшаго Сеньку дворникъ покосился, смѣривъ его съ головы до ногъ.

— Ахъ, крыса песковская, озябъ носъ-то, не удержался онъ по адресу Сеньки.

Тотъ не отвѣтилъ, а молча наклонился къ огню и протянулъ руки.

— Куда лѣзешь въ огонь, сгоришь еще, а тамъ поди возись, буркнулъ дворникъ.

— Сидишь, такъ сиди, козелъ енотовый, чего задираешь?

— А вотъ задеру, такъ и будешь знать...

— Самъ же его трогаешь, вступился извозчикъ и хлопнулъ рукавицами по колѣнямъ.

— И ты, ворона, одного поля ягода.

— Не твое поля то почтенный, это ты вѣрно.

... Христа ради, раздвиньтесь, вдругъ пискнулъ тоненькій голосокъ, и фуражка съ чиновничьей кокардою просунулась между дворникомъ и извозчикомъ.

Сенька увидѣлъ сѣденькаго старичка въ пальто съ барашковымъ воротникомъ, облѣзлымъ и узенькимъ, подвязаннаго вокругъ головы платкомъ и въ штиблетахъ, поверхъ которыхъ болтались сѣренькія брюки, довольно короткія.

— Еще одинъ огарокъ влѣзъ... Чего тебѣ, вдругъ крикнулъ на него дворникъ.

Тотъ весь превратился въ комочекъ.

— Бѣдный я, извини, совсѣмъ замерзъ. Цѣлый день хожу по улицамъ... хозяйка отказала въ квартирѣ... не ѣлъ еще ничего съ вчерашняго вечера... Христось надъ нами, голубчикъ, что правду...

— Ври, ври, грубо оборвалъ его отрывистую рѣчь дворникъ, знаемъ васъ, птицы ночныя, карманы беречь отъ васъ надо...

— Дубина, дубина! вдругъ спокойно, но съ дрожью въ голосѣ заговорилъ Сенька и гдѣ это вы произрастаете, собаки несчастныя, что ни кому житья отъ васъ нѣтъ, холопы черныя...

Дворникъ быстро сорвался съ мѣста и бросился на говорившаго съ кулаками...

— Постой, соколъ, куда прешь, и крѣпкая рука извозчика схватила шубу,

Дворникъ со злостью рванулъ къ себѣ полу шубы и, не удержавшись на ногахъ, повалился въ снѣгъ.

Когда онъ поднялся—у костра спокойно стоялъ Сенька и извозчикъ, а бѣдный старичекъ чиновникъ, присѣвъ на корточки и поднимая сверху свое маленькое лицо, со страхомъ смотрѣлъ на дворника.

Дворникъ угрюмо подошелъ къ своему обрубку.

— Не хочу рукъ марать...

— И дѣло, почтенный, ласково перебилъ извозчикъ. Никого не задѣвай и руки чисты будутъ.

Сенька устался на сидѣвшаго на короткокахъ чиновника и не спускалъ съ него глазъ. Вдругъ онъ порылся въ карманахъ, досталъ мѣдныя деньги и началъ считать.

Двадцать... три... пять шептали губы.

Онъ отсчиталъ пятнадцать копеекъ, быстро подошелъ къ сидѣвшему старичку и сунулъ ему въ руку деньги.

Тотъ растерялся, улыбнулся, посмотрѣлъ на отходившаго прочь Сеньку, потомъ на деньги...

— Позвольте спросить, заговорилъ онъ, вы желаете мнѣ помочь?

— И не думаю, грубо отвѣтилъ Сенька.

— Такъ вы шутите? Старичекъ, поблѣднѣвъ, поднялся и пошелъ къ Сенькѣ...

— Убирайтесь прочь, еще грубѣе отвѣтилъ Сенька.

На лицѣ старичка показалось глубокое недоумѣніе.

— Да что это такое... не понять мнѣ...

— А пойдите поѣсть да въ ночлежку... Поди къ завтра и духъ улетитъ на улицѣ, и Сенька сдѣлалъ быстрый поворотъ и пошелъ по Болотной.

Старичекъ съ полуоткрытымъ ртомъ остался стоять, крѣпко сжимая мѣдныя деньги въ лѣвой рукѣ.

— Милостивецъ, нечего сказать, пренебрежительно бросилъ въ догонку дворникъ.

Старичекъ чиновникъ вздрогнулъ и отошелъ подале.

— Несчастный ты человекъ, поганый, и извозчикъ плюнулъ прямо дворнику на шубу. Эхъ, берегись! Богъ...

Извозчикъ махнулъ рукою, подошелъ къ лошади, накрытой попоной, не спѣша взобрался на козлы и тихимъ шагомъ уѣхалъ...

Вас. Чехъ.

Приходскія вѣсти.

Единоувѣріе въ Москвѣ.

Упадокъ и разладъ въ Единоувѣрїи чувствуется вездѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ его современное положеніе въ разныхъ мѣстностяхъ Россїи. Проектовъ, направленныхъ къ улучшенію Единоувѣрїя, высказывается много, и если всѣ они будутъ приведены въ исполненіе, то, безспорно, Единоувѣріе выйдетъ изъ своего печальнаго положенія.

Состояніе Единоувѣрїя въ Москвѣ должно бы обратить на себя вниманіе со стороны людей, болѣющихъ за судьбу староправославія. Тамъ два монастыря и двѣ приходскія церкви,—но и тѣ пустыютъ. Прихожане придерживаются Единоувѣрїя не по привязанности къ нему, не по любви къ старымъ обрядамъ, а по своимъ особымъ личнымъ соображеніямъ. Вѣдь „числясь“ единоувѣрцемъ, можно сдѣлаться попечителемъ единоувѣрческой типографїи, богадѣльни, а за-

нимая такое положеніе, можно управлять этими учрежденіями самовластно и безконтрольно, получая при этомъ почетное званіе, медали...

У москвичей-единоувѣрцевъ не замѣтно любви къ старымъ обрядамъ и обычаямъ, не чувствуется стремленія поддержать и сохранить ихъ. Въ одной изъ единоувѣрческихъ церквей, напр., предпочитаютъ вводить партесное пѣніе. Староста и попечители не понимаютъ цѣли учрежденія Единоувѣрїя и не слушаютъ голоса другихъ авторитетныхъ людей. Преосвященный Трифонъ, епископъ Дмитровскій, совершая въ прошломъ году богослуженіе въ одномъ изъ единоувѣрческихъ храмовъ, въ своей проповѣди, между прочимъ, говорилъ: „храните ваши преданія, храните ваши обряды, храните ваше пѣніе и ни въ чемъ его не измѣняйте“. Но и его голосу мало вняли московскіе единоувѣрцы. Имъ почему-то желательно ввести партесное пѣніе, о которомъ не очень давно говорили въ Предсоборной комиссіи, какъ о несвойственномъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, духу Св. Церкви. Тамъ же было выражено желаніе сохранить обиходное пѣніе, т. е. то самое, которое московскіе единоувѣрцы желаютъ измѣнить. Вѣдь и крюковымъ знаменнымъ распѣвомъ можно исполнить всѣ пѣснопѣнія въ высшей степени прїятно. Москвичи-единоувѣрцы должны быть убѣждены въ этомъ. Ихъ хоръ въ прошломъ 1905 г., 20 марта, въ Епархіальномъ домѣ—своимъ исполненіемъ нѣкоторыхъ характерныхъ пѣснопѣній очень прекрасно иллюстрировалъ лекцію священника Рѣчменскаго „о знаменномъ распѣвѣ“. Регенту хора С. И. Сунгурову, Высокопреосвященный Владиміръ, Митрополитъ Московскій и Коломенскій, объявилъ свое архиерейское благословеніе и благодарность (см. Моск. Епак. Вѣд. № 40).

На своихъ собраніяхъ, москвичи-единоувѣрцы, мало говорятъ о внутренней организаціи въ дѣлахъ Единоувѣрїя. А вѣдь сколько нестроений въ единоувѣрческихъ приходахъ? Было бы о чемъ поговорить. Не касаясь дѣлъ, давно требующихъ немедленнаго рѣшенія, какъ напр., улучшеніе быта единоувѣрческихъ пѣвцовъ, въ большинствѣ случаевъ на своихъ собраніяхъ проводятъ чисто полицейскія мѣры, направленные къ закрѣпощенію живой мысли и слова. Отчего, напр., не поговорить о единоувѣрческомъ съѣздѣ, который, вѣроятно, будетъ въ ближайшемъ будущемъ? Вѣдь провинція по этому вопросу уже давно высказалась. Москва же молчитъ.

Молчитъ также и московское единоувѣрческое духовенство. Молчитъ потому, что нужды Единоувѣрїя ему почти что чужды. Неособенно давно происходили выборы священника на мѣсто о. протоіерея Звѣздинскаго. Кандидатомъ былъ выставленъ диаконъ той-же церкви отецъ К. . .

Этотъ „отецъ“ прослужилъ въ Единоувѣрїи въ санѣ діакона болѣе 20 лѣтъ и въ продолженіе своей службы чуть не каждый день подавалъ прошенія Его Высокопреосвященству о переводѣ его въ православный приходъ. Хорошо еще, что эти выборы были оставлены, какъ преждевременныя. А то такой пастырь врядъ ли принесъ бы какую-нибудь пользу Единоувѣ-

рію. Изъ моск. единовѣрч. духовенства стоитъ отмѣтить только одного священника, теперь въ должности и. об. благочиннаго, но онъ дѣйствуетъ слишкомъ энергично и самостоятельно et eo ipso; его совѣты, направленные къ улучшенію въ дѣлахъ единовѣрія, повидимому, остаются „гласомъ вопіющаго въ пустыню“.

27-ое октября текущаго года ярко обрисовано отношеніе къ Единовѣрью какъ единовѣрческаго духовенства, такъ и прихожанъ единовѣрцевъ. Оно показало ихъ „любовь“ къ Единовѣрью. Какъ извѣстно, въ этотъ день исполнилась 106-я годовщина со дня Высочайшаго утвержденія и узаконенія правилъ Единовѣрія. Почти за недѣлю священникъ главной московской церкви о. Григорій предложилъ своимъ прихожанамъ почтить этотъ день—помолиться о упокоеніи рабовъ Божіихъ, потрудившихся надъ учрежденіемъ Единовѣрія. Наканунѣ 26 окт. онъ, какъ и. об. благочиннаго, официальной бумагой приглашалъ все единовѣрческое духовенство къ совершенію Божественной Литургіи и торжественной панихиды. Начали Литургію торжественно, при звонѣ въ большой колоколъ, но... при полномъ отсутствіи какъ духовенства, такъ и прихожанъ. Въ половинѣ Литургіи явились 2—3 прихожанина, да уже къ концу панихиды одинъ священникъ. И невольно приходятъ на память слова Евангелія: „мнози бо суть званіи, мало же избранныхъ“ (Мф. 22, 14). *Вообще отсутствіе руководителя и главы въ Единовѣрціи—очень даетъ себя чувствовать.*

Е. Г.—ъ.

Лѣтопись Единовѣрческой жизни.

Притѣсненія, творимыя епархіальными начальствами, вездѣ чувствовались старопраславными. Гдѣ можно, они объ этомъ заявляли какъ умѣли. Чтобы болѣе уже не возвращаться къ Казани, приведемъ содержаніе забытаго было нами прошенія къ тамошнему Архіепископу. Его составили казанскіе единовѣрцы въ іюлѣ 1904 года.

Двадцать втораго іюля сего года, писали ему, наши священники были потребованы въ Каѳедраальный соборъ на молебень для засвидѣтельствованія своего православія. Прискорбно и тяжело слышать, что изблнчаемся въ какомъ то неправославіи.

Мы такіе же чада Христовой Церкви, какъ и прихожане великороссійскихъ церквей. Мы ничего не держимъ особаго, за что можно бы назвать насъ раскольниками. Ученіе догматы держимъ тѣ же, что и Православная великороссійская церковь. Обряды, коими отличаемся отъ прочихъ православныхъ, обряды святые, Св. Синодомъ благословенныя. Епископовъ, великороссійскихъ признаемъ за своихъ Епископовъ.

Уставность въ службѣ церковной соблюдаемъ. Правда, изъ за уставности въ службѣ единовѣрцы выдѣляются въ особые приходы, но это не значитъ, что мы раскольники. Свыкшимся съ уставной службой намъ неловко бываетъ при неуставномъ совершеніи богослуженія въ великороссійскихъ церквахъ, а потому и выпросили отъ Св. Снода дозволеніе совершать богослуженіе особо. Право выстѣ со своими священниками

совершать службу отдѣльно, не псключая высокаторжественныхъ и виторіальныхъ дней, даровано единовѣрцамъ правилами Единовѣрія, Высочайше утвержденными, въ частности 5-мъ пунктомъ этихъ правилъ. Мы этими правилами дорожимъ не ради раздѣленія, а ради сохраненія дорогаго намъ порядка при службѣ, потому что въ великороссійскихъ храмахъ: одинъ приходитъ, другой уходитъ, который крестится, а который такъ стоитъ.

Нельзя насъ назвать раскольниками и за то, что не все еще въ нашихъ приходахъ молятся преподобному Серафиму Саровскому.

Этотъ святой человекъ при своей жизни увѣшеваль во іми любви къ нему складывать персты по обряду православной церкви, а надъ могилами двоеперстниковъ творить молитвы и служить панихиды о разрѣшеніи ихъ отъ узъ вѣчности. Мы молимся двуперстно. Нѣкоторымъ изъ насъ трудно по этому сразу привыкнуть праздновать этому угодику. Сопоставимъ. Пусть будетъ святой, осудившій троеперстіе. Пожалуй не всякій троеперстникъ сразу станетъ праздновать молиться такому угодику.

И такъ, припадая къ стопамъ Вашего Высочайшаго, всепокорнѣе молимъ не считать нашихъ пастырей и насъ, ихъ пасомыхъ, за раскольниковъ во 1-хъ за то, что не все еще молимся Св. Серафиму. Такое отношеніе къ святымъ было и въ прежнее время. (Справдикъ 9-го мая). И во 2-хъ за то, что охраняемъ 5-й пунктъ правилъ Единовѣрія, Высочайше утвержденныхъ 27 октября 1800 и въ 1881 году вновь подтвержденныхъ. Усерднѣе просимъ не требовать нашихъ священниковъ на соборныя моленія. Частнымъ образомъ мы и наши пастыри ходимъ въ великороссійскіе храмы, по церковно участвовать въ службѣ всепокорнѣе просимъ освободить. Мы не безразлично относимся къ уставности и не уставности службы. Когда наши священники участвуютъ въ неполной службѣ, то намъ не привычно и тяжело. Іюля 30 дня 1904 года.

Въ необходимости во что-бы ни стало возбудить новое ходатайство о единовѣрческомъ епископѣ укрѣпляли не одни лишь Казанскія событія. Вездѣ были нестроенія единовѣрческихъ общинъ. Недовольство своимъ безправнымъ положеніемъ, хотя и глухо, испытывалось повсюду. Ждали лишь свободы и почта. Извѣстія объ этой свободѣ стали волновать единовѣрцевъ, какъ и всѣхъ русскихъ поданныхъ, съ декабря 1904 года. Въ февралѣ 1905 года, вотъ, что писалъ изъ Н. Новгорода единовѣрецъ Сергѣевъ. „Ваше Высочайшее благословеніе, о. Симеонъ! Изъ газетъ видно, что въ настоящее время можно и намъ, единовѣрцамъ ходатайствовать объ особомъ епископѣ. Если-бы Богъ благословилъ, многие изъ старообрядцевъ присоединились бы къ намъ. Сейчасъ православное духовенство очень тѣснитъ насъ—единовѣрцевъ, тѣснитъ во всемъ. На нашихъ священниковъ смотритъ недоброжелательно. Поэтому обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣею просьбою возбудить это дѣло, передайте своимъ церковнымъ старостамъ и попечителямъ, что намъ, всемъ Единовѣрцамъ нужно соединиться и подать прошеніе. Какое Вамъ мнѣніе, прошу увѣдомить. 10 Февраля 1905 года“. Въ прессѣ этого времени вопросъ о единовѣрческомъ епископѣ не обсуждался. И, если г. Сергѣевъ что-то такое увидалъ въ газетахъ, такъ это общія сужденія о свободѣ совѣсти. Они его вызвали на горькія размышленія и горячую бесѣду о бѣдственномъ положеніи православнаго старообрядчества. Такъ наболѣло сердце

единовѣрца, что при первой-же возможности заявляетъ объ этомъ.

Вѣсть о свободѣ старообрядцевъ, какъ о фактѣ—совершенно не даетъ уже покоя не только городскимъ, но и сельскимъ единовѣрцамъ. Распечатаніе Рогожскихъ алтарей такъ повліяло на нихъ, что мысль о епископѣ кажется имъ и законной и исполнѣ удобополнимой. *Единоувѣрецъ С. Б. Мурашкина 20 апрѣля 1905 года по случаю праздника св. пасхи такимъ письмомъ приветствовалъ о Шлева. „Мы встрѣтили и проводимъ праздникъ съ тѣми-же новизнами, что и прежде. Батюшка продолжаетъ измышлять. Приходъ разстраивается... У насъ съ позволенія есть мысль ходатайствовать о старообрядческомъ благословенномъ епископѣ. Но такъ какъ центръ Единовѣрія составляютъ Москва и Петербургъ: тамъ главныя силы, то осмѣливалось обратиться къ Вамъ, какъ истинному старообрядцу и уважаемому пастырю съ покорнѣйшею просьбою. Не найдете ли возможнымъ что либо написать намъ объ этомъ. Въ настоящее время всѣмъ старообрядцамъ дана свобода въ вѣрованіи Я хорошо знаю, какъ прежде единовѣрцы просили о епископѣ. Въ нишей бібліотекъ имѣются копии съ этихъ прошеній. Въ свое время они не были уважены. Сейчас, повидимому, можно рассчитывать. Весьма жельтельно, чтобы единовѣрцы единымъ сердцемъ взяли за это дѣло“.*

Дарованіе старообрядцамъ свободы исповѣдывать свою вѣру открыло надеждой на лучшее не только поволожскихъ, но въ западномъ краѣ живущихъ единовѣрцевъ. Предъ нами пасхальный привѣтъ одного изъ нихъ. „Ваше Высокопреподобіе. Невольно уста открываются въ столь знаменательный день, дарованія свободы. Сколько пережилъ я въ теченіе всей моей службы правственныхъ мукъ. Меня чуждалась, называли еретикомъ, отступникомъ и пр. Я молчалъ, страдалъ, имѣя надежду на будущее. И, вотъ лучъ свѣта заблесталъ. Еще болѣе, нежели раньше, хочется быть тѣмъ, чѣмъ судилъ намъ Богъ быть отъ дней рожденія. Вознесите свои святыя молитвы, да утвердятся Единовѣрціе, чуждое повѣствъ послѣпетровскихъ святителей.“

Просимъ Васъ передать поздравленіе всѣмъ прихожанамъ и причину, поздравленіе по случаю возстановленія правъ свободнаго исповѣданія, дарованія и намъ—мученикамъ за свою вѣру, за свою старину. Г. Ревель 90 пѣхотный онежскій полкъ военный начетчикъ—церковникъ Х. В. Ивановъ 23 апрѣля 1905 г.“

На лицѣ такимъ образомъ были и поводъ и случай, чтобы начать ходатайствовать о единовѣрческомъ епископѣ. Не доставало одного починка. Но и онъ вскорѣ явился.

Толки среди единовѣрцевъ, особенно столичныхъ объ открывшейся для нихъ возможности вновь хлопотать единомысленнаго епископа въ разсматриваемое время до того распространились, что нѣкоторые изъ нихъ занялись разработкой даже деталей даннаго вопроса. Нашлись, напр. люди, которые высчитали: сколько будетъ стоить единовѣрцамъ ихъ единовѣрческой архіерей. „Содержаніе единовѣрческаго епископа, писалъ одинъ изъ единовѣрцевъ г. СПб., обойдется съ клиромъ его, каретами, кухней, не менѣе 20.000 рублей въ годъ“. Расчетъ, видимо, сдѣланъ въ преувеличенномъ масштабѣ, взятомъ изъ жизни великороссійскихъ архипастырей.

Не такого однако епископа желали для себя единовѣрцы.

Не такъ о немъ мыслили и представители власти церковной, представители Православія, къ которымъ въ скоромъ времени обратились староправославные. Обратились сначала за совѣтомъ.

Починъ въ новомъ ходатайствѣ долженъ былъ дѣлать о. Симеонъ. Къ нему обращались единовѣрцы разныхъ мѣстъ, его просили поднять снова наболѣвшій вопросъ.

Дѣло однако было столь трудное и важное, что не скоро оно двинулось его руками. Прежде чѣмъ, куда-либо обращаться съ просьбою нужно было не мало переговорить и списаться какъ съ самими единовѣрцами, такъ и съ лицами, покровительствующими старому православію.

Нѣкоторые изъ единовѣрцевъ предлагали хлопотать не о Синодальномъ единовѣрческомъ епископѣ, а просто о старо-православномъ, не называя впрочемъ мѣръ, какъ это устроитъ о. Симеону приходилось напримѣръ считаться и съ такого рода письмами. Для образца приведемъ одно изъ нихъ.

„Глубокоуважаемый батюшка, Семенъ Ивановичъ! Хотѣли мы въ нашей въ дѣвно украшенной святыми иконами церкви въ настоящемъ древнерусскомъ стилѣ (на Захарьевской ул. г. СПб) совершить служеніе по древнему архіерейскому чину. Владыка Волынской охотно соглашался служить у насъ. Но разрѣшенія онъ Петербургскаго митрополита не послѣдовало. Очень онъ не любитъ самостоятельность единовѣрческихъ приходовъ. Въ хозяйственномъ отношеніи допускаетъ дѣйствія священниковъ явно вопреки здраваго смысла и гражданскихъ законовъ. Дѣлается это съ тѣмъ, чтобы обратитъ священниковъ въ исполнѣ независимыхъ отъ прихода чиновниковъ... Г-нъ Митрополитъ, какъ первоприсутствующій въ правительствующемъ Синодѣ, сдѣлалъ распоряженіе отъ лица Синода по всѣмъ епархіямъ, чтобы привлекать священниковъ къ участию въ царскихъ молебнахъ. Это его распоряженіе не поправилось не только прихожанамъ, но и духовенству, которое отъ него вводилось въ излишніе расходы рубля на два... Трудно прихожанамъ имѣть священниковъ. Большинство изъ нихъ не расположено къ старинѣ даже не по ихъ дуриному праву, а по непротивленію требованіямъ и насмѣшкамъ. „Охъ, ужъ эти улыбочки“—недавно сказала намъ Благочинный. *Архіерей Синодальному* еще будетъ труднѣе: если онъ даже и идеальный будетъ, не вынесетъ онъ гнета и насмѣшекъ отъ г. Оберъ-Прокурора. А не вынесетъ, епископскою властью введетъ всѣ повѣства. Видѣ, повидимому, Синодъ не противъ старинѣ, а противъ аятопоміи, соединенной со старинкой. Мечталъ батюшка о. Иоаннъ Верховскій о 3-хъ епископахъ, благословеннаго древняго обряда, писалъ о неканоничности Синода и наблюдающаго за Святителями Прокурора. Статья о Синодѣ была въ Православномъ Обзорѣннѣ въ 80 годахъ. Закрыли журналъ, да и о. Иоаннъ пригужденъ былъ скрыться. Трудно теперь рассчитывать на какую-либо пользу отъ Синодальнаго единовѣрческаго епископа, когда самъ Синодъ такъ далеко отъ устройства управленія православною церковью на Востокѣ.“

Очень бы хотѣлось знать почему Г-нъ Вугровъ *) не доволенъ епископомъ Вѣло Крилицкой іерархіи. Непонятно мнѣ. Смотрю я такъ, что эта іерархія весьма близка къ греческой. Митрополитъ Амвросій безспорно былъ сердечный—благочестивый человекъ, не бывшій до конца дней своихъ подъ запрещеніемъ—на это имѣются документы. По его словамъ, пошелъ онъ къ заблудшимъ овцамъ дома Израилева не имущимъ па-

*) Известный нижегородскій богачъ, глава Вуглоповичины.

стиря“ Пошелъ, правда, ипѣвъ не посланъ. Благодать священства отъ него отнята не была, допущеніемъ миропочазать себя (пресли его поревновать ап. Павлу, обрѣзавшему въ Іерусалимѣ Тимофея, не смотря на свое учение объ излишествѣ обрѣзанія для спасенія) — Митрополитъ не отступилъ отъ Церкви. По русски онъ не зналъ, отреченія не говорилъ, служилъ первое время по гречески. *Можетъ быть и согрѣшилъ Митрополитъ Америкосій—не намъ судить,* — но имъ руководили любви, покрывающая по ап. Петру множество грѣховъ? — Единовѣріе многомъ Никодимомъ тоже начато любовью. Любовью къ греческой и русской церкви, а не злобою написано и дышитъ Старообрядческое „Окружное посланіе“. Слѣдовательно выходъ одинъ: или оставаться съ синодальными священниками, состоящими въ единеніи съ прихожанами, дающими имъ, т. е. прихожанамъ, отчетъ въ своей искренности и любви къ чадамъ своимъ и древнеправославному благочестію, освященному множествомъ св. угодниковъ Божіихъ отъ лѣтъ Св. Владиміра въ русской церкви и отъ св. апостоловъ во вселенской церкви. Или же принимать епископовъ православныхъ бѣлокриницкихъ, не состоящихъ въ вѣдѣніи Синода“. О. Симеона обычно укоряютъ за не уваженіе къ православной русской церкви. Возбужденіе имъ вопроса о епископѣ не прощаютъ ему нѣкоторые представители Вѣдомства Православнаго Исповѣданія. На его ходатайство часто смотрятъ, какъ на сплошной рядъ оскорбленій по адресу православныхъ епархіальныхъ владыкъ. Не хотятъ взглянуть на обратную сторону дѣла. Не желаютъ подумать, а что-бы было съ единовѣрцами, если-бы среди нихъ не витала надежда въ концѣ концовъ получить отъ Синода старообрядческаго архіерей. Не даютъ себѣ труда представить, что поднятый о. Симеономъ вопросъ о единовѣрческомъ епископѣ есть спасительный клапанъ для Единовѣрія. Черезъ него лишь можетъ испариться чувство обиды старо-православныхъ на порядки „казеннаго Православія“. Имъ лишь спасены многіе отъ ухода въ Австрійщину“ Если многое множество изъ Единовѣрія насъ, 17-го апрѣля 1905 г., не ушло туда, такъ это исключительно благодаря ходатайству о единомысленномъ для единовѣрцевъ епископѣ.

4 Ноября 1906 года, волею Божіею, скончался заслуженный протоіерей Никольской Единовѣрческой Церкви, что на Николаевской улицѣ въ г. Спб., **Константинъ Тимофеевичъ ВЕРХОВСКІЙ**, сынъ извѣстнаго въ царствованіи Императора Николая I настоятеля Никольской же церкви протоіерея отца Тимофея и братъ священника Іоанна Тимофеевича, много потрудившагося, но и много пострадавшаго за свободу старообрядчества. Род. въ 1837 г.

Редакторъ *Вас. Пав. Медвѣцкій.*
Издатель Свящ. *С. Шлевъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

1907 годъ

на еженедѣльный журналъ

„Правда Православія“.

ОРГАНЪ ЗА СВОБОДУ И НЕЗАВИСИМОСТЬ.

Журналъ будетъ выходить еженедѣльно по пятницамъ въ размѣрѣ отъ 2 до 3 печатныхъ листовъ большаго формата по слѣдующей программѣ:

- 1) жизнь человѣка, какая она есть и какой должна быть. Церковь и школа, какъ имѣющія значеніе первыхъ воспитателей и наставниковъ въ жизни правды, свѣта, любви. 2) Великороссійская церковь. 3) Единовѣріе. 4) Расколъ. 5) Сектанство. 6) Инославный міръ. Значеніе ихъ въ смыслѣ осуществленія этихъ началъ и проведенія ихъ въ жизнь. 7) О самовоспитаніи и самообразованіи: а) воля, воспитаніе умственное, нравственное и физическое; б) дѣти и ихъ воспитаніе; в) родители и окружающая среда, влияющіе на воспитаніе подросткающаго поколѣнія. 8) О познаніи міра видимаго и невидимаго: а) душа наша, какъ познавательная способность; б) что мы знаемъ и что могли бы знать при развитіи и воспитаніи нашихъ духовныхъ силъ. 9) Вопросы философіи и психологіи и какъ при ихъ помощи можно видѣть явленія нашей жизни въ дѣйствительномъ свѣтѣ. 10) Хроника. 11) Лѣтопись жизни Единовѣрія. 12) Отвѣты и запросы. 13) Вѣсти по приходамъ. 14) Библиографія. 15) Объявленія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

В. О. Боцяновскій, Б. Ф. Гейеръ, А. Ф. Гораинъ, Ахилла Десницынъ (псевд.), *М. М. Крамалей, Б. Коршуновъ* (псевд.), свящ. *Яр. Ив. Медвѣдь, Василій Мед., Ив. Осиповъ*, свящ. *Ян. Мат. Светловъ, З. В. Соловьевъ*, свящ. *М. П. Чельцовъ, Вас. Чехъ* и другіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА:

На годъ съ доставкой и перес. пять рублей.,
на полгода три рубля.

— Отдѣльные номера 10 коп. —

Подписка принимается: *С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. 22, кв. 2. контора журнала „Правда Православія“.*

Увѣдомленіе. Подписчиковъ, не получившихъ почему либо номеровъ нашего журнала, Редакція проситъ сообщать немедленно, иначе она не имѣетъ возможности провѣрить и удовлетворить. Обязательно прилагать печатный адресъ съ бандероля.